

Чёрная земля, стылая и тяжёлая, вздувшись как волдырь на обожжённой коже, изойдя изломанными трещинами как расколота сухая кора мёртвого дерева, разошлась с омерзительным треском — так, хрустко и глухо, ломаются человеческие кости. Из рытвин, глубоких и ледяных, показались косматые руки. Кожа — зелёная как болотная тина; когти — иссиня-чёрные, изогнутые как ястребиный клюв, впиваясь в землю, оставляли на ней глубокие борозды, словно хищник, что вспарывал брюхо своей жертве.

Ху Шень переступил с ноги на ногу, покрепче сжав рукоять меча, что так и норовил выскользнуть из взмокших ладоней. Выставив оружие вперёд, он ошалело огляделся. Воспоминания заволокло туманом, как небо над головой тяжёлыми грозowymi тучами. Могучий силуэт чёрной горы впереди, возвышаясь зловещим исполином, внушал неподдельный ужас. Холодок страха, скользнув змеёй вдоль позвоночника, вонзил ядовитые клыки в ноющий от боли затылок. Не имея ни малейшего представления, как и зачем он оказался здесь, Ху Шень рубанул тянущуюся к нему косматую руку — упавшая к ногам мёртвая кисть заломила прогнившие пальцы, скорчилась лапами огромного паука. В прогнивших останках давно не было крови, и вместо неё на землю брызнуло что-то чёрное, тягучее как смола; обратившись дымом, оно завихрилось, заструилось к мысам запылённых чжань се[1], словно разъярённая кобра, готовая к броску. Ху Шень отпрыгнул, но потеряв бдительность, угодил в ловушку — острые когти вонзились в лодыжку, цепкие пальцы драли полы одежд. Кровь из раны, мешаясь с грязью из-под мёртвых когтей, бежала стремительно как горный ручей, и чёрный туман устремился к ней.

Серебряный всполох молнии расколол небосвод, и сдавленный крик Ху Шеня утонул в громовом раскате. Руки — сухие с поломанными пальцами; гноящиеся и зловонные с лоскутами полугнилых оборванных сухожилий тянулись к нему отовсюду, вонзались в кожу, с треском рвали одежду. Чёрный туман, вихристый и густой, заползал в каждую рану как склизкие черви, копошился под кожей, отравлял сознание.

Меч выпал из ослабевших рук, и Ху Шень рухнул навзничь, утратив волю к сопротивлению и больно ударившись затылком. Картины прошлого — заснеженный лес, алая кровь отца на искристом белом, глаза тигра, горящие в ночи, — сжали сердце стальным капканом. Шум в голове складывался в шёпот, но Ху Шень не мог различить ни слова. Закрыв дрожащими руками уши, он закричал.

Зимой рассветные лучи, пробираясь через плотные облака, не были особенно яркими, но Ху Шень всё равно прищурился, едва сумев открыть глаза. С трудом присев на кровати, он с тяжёлым вздохом утёр ладонью испарину со лба. К кошмарам Ху Шеню было ни привыкать — после той ночи в лесу они мучили его регулярно и мотив всегда был один, словно проклятая гора Бейшан ждала его. Быстро приведя сбившееся дыхание в норму, он опустил ладони на твёрдую платформу под ним — кровать уже была приятно прохладной[2], а значит, пора было поспешить к завтраку.

Постоялый двор, на котором они остановились, не был ни богат, ни уютен, зато находился в одной из тех деревенок, которым не посчастливилось расположиться в непосредственной близости к горе. Местные жители более других страдали от нападков тёмной энергии и посему с особенным трепетом и надеждой относились к обосновавшимся у них заклинателям, из кожи вон стараясь удовлетворить любые их прихоти, которых, к слову, было не так уж и много — крыша над головой, да информация.

К моменту, когда Ху Шень более-менее привёл себя в порядок, внизу за низким столиком с угощениями уже расположились трое его названных братьев — вечно недовольный Юншэн о чём-то тихо переговаривался с Гуанмином, с лица которого, казалось, никогда не сходили вежливая улыбка и взгляд невыносимого всезнайки; Фэн Хуан, по своему обыкновению проявляя излишнюю услужливость, разливал по глиняным пиалам дымящийся травяной чай, и хотя за столом сидели трое, пиал уже было четыре. За долгие годы, что все они провели на севере, пытаясь решить проблему проклятой горы, именно Фэн Хуан сумел получить особенное уважение и негласное признание великого будущего, но даже это не могло выбить из него какого-то нездорового желания всем услужить. Ху Шень фыркнул. Подойдя к столу, он настойчиво передвинул чайник на середину из-под руки Фэн Хуана и присел рядом — недостаточно далеко для почтительного расстояния, но достаточно близко, чтобы ощутить исходящее от него приятное тепло.

Север никогда не славился изобилием, но местные жители так боялись утратить благосклонность успевших прославиться заклинателей, что на столе у них всегда и всего было вдоволь — пряное мясо, овощи со скудного летнего урожая. Ху Шеню, родившемуся в одной из таких деревень, часто кусок в горло не лез. Особенно в дни пробуждения от ночных кошмаров. Поднеся исходящую паром пиалу к губам, он вдохнул аромат, блаженно прикрыв глаза — аромат травяного чая успокаивал, унося в то детство, когда матушка поила его с рук во время очередной болезни.

— Что с тобой?

Ан Гуанмин — обладатель двух крайне противоречивых черт характера — вежливости и бестактности всегда умело мог разрушить любой момент по щелчку пальцев.

— Выглядишь бледнее Юншэна, — продолжал он, бросив лёгкую ухмылку в сторону сидящего рядом того самого Юншэна, демонстративно качнувшего головой так, что снежно-белые волосы слегка упали на лицо, — хотя куда уж. Сделать тебе укрепляющий отвар? А то того и гляди...

Ху Шень не испытывал неприязни к Ан Гуанмину. Он был прекрасным лекарем, чьи таланты не раз им всем пригождались, но его излишняя пронизательность иногда раздражала. Бросив свирепый взгляд в его сторону, Ху Шень пересёкся с глазами цвета крепко заваренного чая, блестящими в тусклом утреннем свете. Из них четверых Ан Гуанмин единственный не получал «волшебного» древнего благословения, но и без него он не был из робкого десятка. Мягкие цветочные узоры на его синих одеждах смотрелись почти иронично — обманчивая мягкость Ан Гуанмина скрывала под собой упрямство, которому позавидовали бы многие. Однако Ху Шень в это утро не был настроен ни на препирательства, ни на нотации. Раздражённо хлопнув палочками по столу с такой силой, что они жалобно затрещали, он поспешил выйти на свежий воздух, так и не притронувшись к еде.

На улице уже царил рутинная для местных жителей суета. Кто-то расчищал тропинки; кто-то сметал снег с торговых прилавков; дети, румяные от мороза, смеясь, играли в догонялки, бросаясь снежками — вот уж кого не заботила довлеющая тьма, нависшая над страной. Ху Шень возвёл взгляд к небу, медленно вдыхая полной грудью. С неба, затянутого серыми облаками, медленно падали пушистые белые хлопья, оседая россыпью жемчуга на ресницах и

прядях чёрных волос.

— Он просто волнуется. Лекарь, сам понимаешь.

Ху Шень обернулся на голос, звучный, но по обыкновению уверенно-спокойный. Фэн Хуан, в одеждах цвета терпкого вишнёвого сока, в резных золотых наручах, с волосами глубокого медного оттенка в высоком хвосте, выглядел чуждо этим бесцветно-серым землям. Словно всполох жаркого пламени, словно капля горячей крови он горел среди ослепительно-белых снегов и безликих серых домов. Квинтэссенция южного солнца, золото и бронза, огонь и кровь — посмотришь лишь раз и уже не сможешь отвести взгляд. Ху Шень встретил его в худший период своей жизни, когда казалось, что нет пути ни назад, ни вперёд. Он протянул прдрогшему мальчику, лишившемуся в одночасье и дома и отца и надежды, руку, тёплую как едва разгорающийся огонь в очаге. Смуглая мягкая кожа. Плавный изгиб доброй улыбки. Глаза — раскалённое жидкое золото. Путеводный пламень, превратившийся в томительное наваждение.

— Знаю. — Усилием воли Ху Шень заставил себя отвести блуждающий по Фэн Хуану взгляд. Спрятав сжатые кулаки в широких рукавах, он отвернулся. Глаза, вкусившие яркость чужого облика, с трудом принимали унылую бледность вокруг.

— Но Гуанмин прав, — подойдя к Ху Шеню, Фэн Хуан опустил ладонь ему на плечо, горячую даже в суровый мороз — в отличие от своих названных братьев, использовавших духовную энергию, чтобы не чувствовать холода и избавиться от необходимости носить тяжёлые зимние одежды, Фэн Хуану не требовалось даже пальцем шевелить — огонь феникса, бурлящий в его крови, не позволит замёрзнуть даже в самую лютую стужу. — Ты выглядишь нездорово. Снова кошмары?

Ху Шень удручённо кивнул и медленно зашагал по улице вдоль наполняющихся товарами торговых лавчонок. Тепло чужого плеча так близко к его успокаивало разбушевавшееся сознание.

— Чем ближе мы к этой проклятой горе, тем они чаще. Столько лет они приходят ко мне, шепчутся, но слов так и не разобрать. Почему только я? Чего они хотят?

Смотря правде в глаза, из них четверых Ху Шень был самым слабым. Ступив на путь совершенствования уже будучи подростком, и то, лишь потому, что встретил Фэн Хуана, он так и не смог в достаточной мере укрепить своё золотое ядро, оставаясь уязвимым перед бушующей вокруг тьмой. Во всяком случае, так всегда объяснял Фэн Хуан, успокаивая дрожащего после пугающих ночных видений подростка. Но даже в его глазах Ху Шень иногда ловил мимолётные проблески страха, не кроется ли за ними что-то более мрачное; что-то, пока ещё лежащее за пределами их понимания.

— Будь осторожен, Шень. Ты рождён в этих землях и чувствуешь их иначе.

Ху Шень остановился. Деревня, что приютила их, была большой — десятки ветхих домишек,

пара сотен людей, спующих по самым обычным, житейским, делам — почти маленький город на самом отшибе. Но в этот самый момент всё стало таким незначительным — голоса торговцев, звонкий детский смех, завывания холодного северного ветра, стук кузнеца по наковальне — всё будто стихло. Лишь трепет сердца звучал эхом взмывающей в небо птицы. На мгновение перехватило дыхание и Ху Шень задумался. Его ли это сердце? Или то взмах огненных крыльев феникса?

— Я...

Начал было он, но закончить так и не смог, прерванный истошным криком.

— Достопочтенные господа! — Женщина в тяжёлой потрёпанной шубе бежала с другого конца улицы. Подхватив полы запорошенных снегом одежд, покрасневшись лицом не то от ужаса, не то от кусачего мороза, она спотыкалась о замёрзшие камни и вязла одеревеневшими сапогами в сугробах. — Беда! ...почт...господа...! Беда! — Запыхавшись лепетала она, наконец добежав и рухнув коленями в снег. — Мертвецы у главных ворот! Целая армия!

И вновь стихли людские голоса. Стих детский смех и стук кузнеца.

И запах гнили и свежей крови заполнил всё вокруг.

Главные деревенские ворота, сооружённые из дерева, как часто бывало в суровых условиях северной сырости, не были столь крепки, чтобы сдержать натиск взъярившейся нечисти. К моменту, когда Фэн Хуан и Ху Шень прибыли, от них почти ничего не осталось и сквозь зияющие щели тянулись когтистые руки, скалились клыкастые, разорванные рты и дым, чёрный и вихрастый, стелился по снегу, залитому чьей-то кровью. Словно кошмары Ху Шеня в миг стали явью.

Нечеловеческий, клокочущий в гноящихся глотках рык мешался с криками ужаса местных жителей, превращаясь в шум горного обвала, в непрерывный громовой раскат. Из всего этого выбивался стройный лязг цзюцзебяня[3] Юншэна. Со свистом разрезая воздух, тяжёлый от людского страха и мертвецкой ярости, он мелькал вспышками желтоватого света, отбрасывая волну нечисти за волной. Юншэн, всю свою жизнь проведя в окружении морских глубин и высоких волн, впитав в себя шторма и бури, штиль и гладь, орудовал плетью с такой смертоносной элегантностью будто сам был глубинным морским течением, изменчивой приливной волной. Танец летящих жёлтых одежд и траурно-белых волос, изгибы звенящей цепи и гибкость чужого тела — завораживающий образ дракона, спустившегося с небес. Ху Шень не доверял ему словно змею, затаившемуся в траве.

Пока Юншэн сдерживал натиск, Гуанмин пытался убедить людей сохранять спокойствие и запереться в домах, попутно оказывая первую помощь успевшим пострадать. Из них четверых он реже всех вступал в открытый бой.

Ху Шеня же владению мечом обучил сам Фэн Хуан. Сражались они похоже, с той лишь разницей, что Фэн Хуан мог заставить свой меч гореть неугасимым пламенем, сметающим всё на своём пути, обращающим любую нечисть в горстку сизого пепла. Мощь первозданного огня сотворения, она требовала неусыпного контроля и огромных затрат энергии, чтобы не стать разрушением и погибелью.

— Не поддашь огоньку? — Спросил Юншэн, когда очередная волна схлынула, подарив минутную передышку.

Фэн Хуан покачал головой.

— Слишком много людей. Я контролирую пламя, но не настолько.

— Так давай уведём?

Ху Шень скрипнул зубами.

— Совсем ненормальный?! — Взвился он, окинув Юншэна злобным взглядом. — Мы на севере и сейчас зима. Люди замёрзнут насмерть, лишившись своих домов.

Юншэн до побеления костяшек сжал смотанный хлыст. Им с Ху Шенем почти никогда не удавалось найти общий язык.

— Есть другие идеи?

И тогда Ху Шень услышал его.

Шёпот из своих кошмаров. Нестройный гул стонающих голосов. Шипение змеи, запертой в тесной клетке прямо в его голове.

Капля крови, скатившись из носа, осколком драгоценного камня упала к ногам на грязный, взрыхлённый снег. Ху Шень опустил глаза и чёрный дым уже вился виноградной лозой вокруг его лодыжек, цепко полз вверх, неся с собой колючий холод и острую боль. Кошмар ожил и колени Ху Шеня подкосились. Кто-то звал его, но он не слышал. Кто-то тянул его вверх, но он не мог подняться. Кровь капала на снег, горячая и тёмная, и чёрные дымные языки лизали её, как лижет покорный пёс угощение с рук хозяина. Совсем как во сне, Ху Шень прижал дрожащие руки к ушам.

И закричал.

Медленно открыв глаза, Ху Шень увидел знакомый потолок своей комнаты на постоялом дворе. Было темно и тени горящих свечей сплетались на нём причудливыми узорами. Знакомая жёсткая кровать натопилась так жарко, словно лежал он прямо на раскалённых углях, но даже так мелкий озноб всё равно покалывал его тело до самых кончиков пальцев на ногах. Было ли произошедшее реальностью или очередным кошмаром?

Резко сев, Ху Шень только спустя мгновение почувствовал чужую руку, сжимавшую его ладонь. Мягкая и горячая как пламя в очаге, она могла принадлежать только одному человеку. Фэн Хуан дремал, согнувшись на полу и положив голову на постель. Почувствовав движение, он поднял глаза, замутнённые сонной дымкой.

— Не стоит делать таких резких движений. — Чуть хрипло сказал он, погладив большим пальцем прохладную кожу. От места прикосновения побежали мурашки — простая ласка, знакомая Ху Шеню с юности, когда Фэн Хуан так же успокаивал его после кошмаров, после произошедшего наяву вдруг ощутилась иначе.

— Что... — запнулся он, инстинктивно сжимая чужую ладонь сильнее, — ...что с деревней? С мертвецами?

Фэн Хуан пересел на кровать, оказываясь с Ху Шенем лицом к лицу. Протянув руку, он заправил за ухо прядь растрепавшихся чёрных волос. Подушечки пальцев задержались на коже чуть дольше того, что требовала формальная вежливость.

— Когда ты упал, ты всё шептал, чтобы они уходили. Даже не так. Ты приказывал им. И они послушались. Мы наложили на деревню защиту, но это временная мера...

Ху Шень вскинул на него непонимающий взгляд.

— Но я не приказывал им. Я просто кричал.

Фэн Хуан взял обе его руки в свои. Поднеся к губам так близко, но едва касаясь, он одарил холодные пальцы дыханием не хуже жаркого пламени.

— Мы разберёмся со всем позже, — сказал он, вдруг поднимаясь и собираясь уйти, — сейчас тебе нужно отдохнуть.

С Фэн Хуаном было сложно. Привыкший всю жизнь самозабвенно выполнять то, что должно, он никогда не позволял себе ни собственных слабостей, ни собственных чувств. С той силой, что бушевала в нём, он мог заполучить всё, чего бы ни пожелал, но предпочитал просто плыть по течению, принимая то, что жизнь давала ему, но никогда не завоёвывая. Так жизнь дала ему Ху Шеню — сломленного подростка, что обрёл рядом с ним силу. И он принял его. Так жизнь дала ему чувства — противоречивые и томительные. И он принял и их. Фэн Хуан был сильным. Даже могущественным. Но он не был завоевателем. Он пойдёт за другими, контролируя строй, но никогда во главе.

— Я давно не тот ребёнок, которого ты подобрал, — прошептал Ху Шень, ухватившись пальцами за ускользящую ткань широкого алого рукава, — твоя сила не определяет моих желаний.

Фэн Хуан обернулся через плечо. Отблеск пламени свечи полыхнул в его глазах.

— И чего же ты хочешь?

Ху Шень потянул его на себя, не сильно, лишь чтобы заставить повернуться .

— Загляни мне в глаза. Моё желание горит в них алыми одеждами. Посмотри внимательно на это отражение и спроси себя. Хотя бы раз в жизни, спроси себя, чего хочешь ты сам.

Целовать Фэн Хуана — играть с огнём. Губы — раскалённые угли на битвенном пепелище; жар дыхания — плавящий воздух золочёной пустыни; язык — пламенное перо феникса крыла. Агония смерти. Торжество воскрешения.

Глухо упали наручи, блеснув золотыми узорами. Ху Шень, оказавшись зажатым между натопленным ложем и разгорячённым телом, сдавленно выдохнул. От озноба не осталось и следа. Восторженное чувство наполнило его — словно всю жизнь он был отколовшейся от ствола векового дерева щепкой, не знавшей своего предназначения и вдруг его обретшей — сгореть в бушующем огне, не зная более ни страха, ни страданий. Распахнув ворот алых одежд, он скользнул ладонями по крепким плечам, вздымающейся в тяжёлом дыхании груди — бронзовая кожа Фэн Хуана блестела хрустальным крошевом мелкой испарины — раскалённый песок в ночном звёздном сиянии. Распавшийся хвост рыжих волос языками жидкого пламени ласкал Ху Шеню зарумянившиеся скулы, пока горящие жаром цветы раскрывали алые лепестки на его бледной шее, а мягкая широкая ладонь оглаживала изгибы под нижними одеждами.

Фэн Хуан не был завоевателем, но жизнь всегда давала ему власть. Так она дала ему Ху Шеня — заснеженный лес, жаждущий пожара. И Фэн Хуан принял его.

В иступлённом блаженстве глаза Ху Шеня, дымчато-серые, превратились в два блестящих обсидиана — Фэн Хуан видел в них своё отражение так же чётко как в зеркале. И пламя свечей бесновалось в них, как первородный огонь в его крови. Безмерно прекрасно. Завораживающе. Единение душ в двух сплетённых телах.

Запах кожи Фэн Хуана, терпкий, с лёгкой горечью перегретой под солнцем каремели, ощущался острее терпких жасминовых благовоний, ярче расплавленного воска свечей. Ху Шень собрал его языком вдоль плавного изгиба ключицы; выше, вокруг droгнувшего кадыка; левее, по линии бьющейся заполошно артерии — голодный хищник, выбирающий место последнего, смертельного поцелуя своей добычи — тигр в объятиях феникса.

Взметнулись алые всполохи горящих свечей, расплавился воск бесформенной жижей и мир

погрузился во тьму. Лишь глаза феникса — раскалённое жидкое золото горели двумя путеводными звёздами.

Ху Шень не был пленником, так же как Фэн Хуан не был завоевателем.

Но жизнь дала им друг друга.

И они приняли этот дар.

——□□——

Чёрный дым, вихрастый и густой, обнимал Ху Шеня, стоило ему закрыть глаза.

Балансируя на грани зыбкой реальности и подступающего сна, Ху Шень услышал шёпот. Но гул скрипящих голосов разбилась гулким ударом.

— Твоё сердце, — пробормотал он в чужую горячую грудь, не открывая глаз, — бьётся так громко.

Фэн Хуан зарылся пальцами в чуть спутавшиеся волосы, прижался губами к макушке.

— Тогда слушай его

В шёпote, терзавшем Ху Шеня было не разобрать слов.

В биении сердца Фэн Хуана слов не было вовсе. Но понять его Ху Шеню не составляло труда.

Комментарии и примечания:

[1] чжань се (□□ — войлочная обувь) — войлочные сапоги (для наглядности, именно такие носят большинство героев в магистре).

[2] В Древнем Китае существовала система обогреваемых лежанок, называемая каном (□□, дикан), которая была предшественником современных систем напольного отопления и пришла в Китай с территории современных Кореи и Маньчжурии. Кан представлял собой деревянную лежанку, под которой располагалась система дымоходов для обогрева. Такие обогреваемые кровати-лежанки были распространены в северных регионах.

[3] Цзюцзебянь (кит. упр. □□□) — девятизвенная цепь. разновидность цзебяня (кит. упр. □□, буквально: «секционная плеть») — китайское холодное гибко-суставчатое оружие, представляющее собой цепь из нескольких металлических сегментов. последнее звено

несколько массивнее остальных и заканчивается коническим остриём. первое звено соединяется с металлической или деревянной рукоятью. возле первого и последнего звеньев могут крепиться яркие платки, предназначенные для отвлечения противника и для замедления оружия, что упрощает контроль над ним. девятизвенная плеть имела в классическом варианте длину в 5 чи 3 цуня (что примерно 1,6 метра).

<http://bllate.org/book/14934/1323657>